

Оуян бегло пролистал несколько страниц, затем поднял голову и сказал Пан Чжуну:

— У меня не так много дел — по крайней мере, пока. Твоя основная задача — взаимодействие с внутренними покоями, следить за всем, что с ними связано, и не допускать появления в Летнем дворце тех, кто не должен здесь находиться. Как это делать, тебя, наверное, уже научили, так что мне не нужно тебя инструктировать.

— Не беспокойтесь, господин, я не подведу вас, — сразу же ответил Пан Чжун.

Оуян не стал комментировать его обещание, но сейчас ему и не нужно было ничего больше, поэтому он махнул рукой, отпустив Пан Чжуна и двух младших евнухов.

Вечером Оуян услышал от Ци Юньхэна новость, которая его ошеломила.

— Присутствовать на большом собрании? Я?! — Оуян поднял палочки для еды, настолько удивлённый, что забыл, хотел ли он взять еду или просто есть. — Ты ведь шутишь, да?!

— Просто покажись там, тебе не нужно ничего делать, — Ци Юньхэн взял его руку с палочками, освобождая её от напряжения. — Один из чиновников предложил это, и я подумал, что это правильно. Ты ведь не наложница из внутренних покоев и не что-то, что нужно скрывать. Ты уже лишился церемонии посвящения, разве можно тебя держать вдали от людей?

— Ты ведь и так не держишь меня как узника! — Оуян совсем не хотел участвовать в этом скучном, утомительном и долгом мероприятии. Ему также казалось, что появление там не принесёт ему славы. Более того, на большом собрании только император мог сидеть, а все остальные должны были трижды поклониться и девять раз ударить лбом об пол, а затем стоять несколько часов — как минимум, с рассвета.

Оуян не хотел вставать рано, стоять до онемения ног и кланяться Ци Юньхэну.

— Именно потому, что я тебя не держу взаперти, тебе и нужно показаться на людях! — Ци Юньхэн взял его за руки и честно признался. — Если чиновники не запомнят твоё лицо, вдруг они случайно тебя обидят, даже не узнав?

Оуян был в замешательстве, мысленно ругая Ци Юньхэна: «Так ты заботишься не обо мне, а о своих чиновниках!»

Нельзя было отрицать, что у Ци Юньхэна действительно были такие опасения.

Характер его императорского супруга был далеко не ангельским. Сейчас он казался более спокойным, чем десять лет назад, но кто знает, когда он снова станет вспыльчивым? Тем более что в столице всё изменилось, и молодые аристократы, знавшие, что с императорским супругом лучше не связываться, уже почти исчезли.

Если вдруг произойдёт что-то неприятное, как бы Ци Юньхэн ни защищал Оуяна, ему всё равно придётся разбираться с последствиями. Лучше предотвратить это заранее, чтобы ничего подобного не случилось.

Ци Юньхэн сказал всё это, и Оуян не смог больше отказываться, согласившись с неохотой.

Итак, на следующий день Оуян встал рано утром, хотя и не хотел этого.

Большие собрания обычно проводятся в первый и пятнадцатый день месяца, но государство

Хуа только что было основано, и последователи Ци Юньхэна с нетерпением ждали, чтобы получить свою долю. Кроме того, многие авантюристы тоже хотели урвать кусок пирога. В результате большое собрание перенесли на пятое число первого месяца.

Из-за пира, состоявшегося третьего числа, на сегодняшнем большом собрании чиновники снова разделились на гражданских и военных, первые стояли справа, а вторые — слева.

Однако, когда чиновники вошли в главный зал дворца Сюаньюань, те, кто шёл в первых рядах, заметили, что в левой части зала уже стоял человек.

Он был одет в ярко-красные одежды, на голове у него был изысканный золотой головной убор, а на теле — украшения, которые могли носить только члены императорской семьи. Его фигура была стройной и высокой, лицо белым и без единого волоска, черты лица безупречно красивыми. В целом он выглядел просто великолепно.

Евнух? Кто бы осмелился надеть такое, чтобы потом быть казнённым вместе с семьёй?

Один из принцев? У нынешнего императора не может быть такого взрослого сына!

Родственник императора? Но он совсем не похож на него...

Большинство всё ещё гадало, но несколько чиновников, которые «имели счастье» видеть его в прошлой династии, уже выкрикнули:

— Оуян... императорский супруг?!

Это и есть императорский супруг?!

Взгляды всех чиновников мгновенно устремились на этого прекрасного человека в красном, выражая восхищение, удивление и подозрение.

Человек, стоявший в зале заранее, был не кто иной, как легендарный императорский супруг — Оуян.

Ци Юньхэн хотел, чтобы Оуян пришёл вместе с ним, но Оуян не хотел лишний раз раздражать чиновников — если он сам не хотел кланяться Ци Юньхэну, разве они хотели бы кланяться ему?

Поэтому Оуян выбрал более нейтральный способ появления, рассчитав время и войдя в главный зал заранее.

Услышав, как кто-то произнёс его имя, Оуян бросил взгляд в ту сторону, но не узнал человека, который его назвал. Зато чуть дальше он увидел знакомое лицо — своего старого приятеля, второго сына левого заместителя министра чиновников прошлой династии, Лу Чжо, которого они прозвали Лу Вторыми Руками.

Министр Лу происходил из бедной семьи, и даже став чиновником, он не разбогател. Лу Чжо с детства носил вещи своего старшего брата и почти никогда не получал ничего нового. Когда он стал общаться с Оуяном и его компанией, это мало что изменило, поэтому его прозвали Лу Вторыми Руками.

Судя по одежде, должность Лу Чжо была невысокой — всего лишь пятый ранг, что едва позволяло ему присутствовать на большом собрании. Его поведение также соответствовало его

рангу — он был сдержанным и незаметным. Даже увидев Оуян, он не показал никаких эмоций, лишь быстро моргнул три раза, когда их взгляды встретились.

Это был их старый знак, означавший: «Я занят, не отвлекай меня».

Старое не забывается.

Этот парень всё ещё осмеливается со мной здороваться?

Оуян невольно улыбнулся.

Когда Оуян отвёл взгляд, продолжая быть объектом всеобщего внимания, справа раздался голос:

— Вы и есть императорский супруг Оуян?

Оуян повернул голову и увидел незнакомого мужчину в красной одежде, лет тридцати с небольшим, с узкими глазами и тонкими губами. Его лицо не было ни красивым, ни отталкивающим, но он явно не выглядел как образец добродетели.

Этот человек был одет как чиновник второго ранга, самый высокий среди присутствующих гражданских. Учитывая его смелость, Оуян поднял бровь и спросил:

— Вы тот самый чиновник, который заставил меня страдать на этом собрании?

— Я Чжу Бянь, мой стиль — Синчжи, по милости императора занимаю должность министра наказаний, — Чжу Бянь не ответил прямо, но его слова были равносильны признанию. — Я не могу согласиться с вашим мнением, что большое собрание — это страдание. Даже если вы правы, уверен, мои коллеги, как и я, воспринимают это с радостью.

— Что для одного мёд, для другого яд, — фыркнул Оуян. — У меня нет больших амбиций, и я не отличаюсь широтой души. Всё, что мне нужно, — это есть и спать. Если кто-то мешает мне есть или спать, не удивляйтесь, если я окажусь злопамятным.

— Ах, я, кажется, нарушил ваш покой, прошу прощения, — Чжу Бянь тут же поклонился.

Пока они разговаривали, трое герцогов стояли рядом, за ними — другие военные, а гражданские чиновники с другой стороны тоже внимательно слушали. Многие из них присутствовали на втором пире Ци Юньхэна, и, за исключением тех, кто забыл из-за пьянства, остальные сразу поняли, почему Оуян появился здесь.

Когда Чжу Бянь предложил увидеть императорского супруга на пире, никто не воспринял его слова всерьёз, считая это просто лестью. Но они забыли, что Чжу Бянь никогда не льстил, а если и льстил, то всегда с ядом.

Никто не мог понять, зачем Чжу Бянь пригласил императорского супруга на большое собрание, но многие из тех, кто считал себя добродетельными, почувствовали сильную тревогу, глядя на красивое лицо Оуяна.

С древних времён красивые лица приносили беды.